

К счастью, все эти годы Клэр без перерывов присылала домой деньги, поэтому, хотя её родители и жили в деревне, условия у них были куда лучше, чем у большинства односельчан.

Дом, как и у всех, был сложен из дерева, камня и кирпича, но двор оказался гораздо просторнее, чем у соседей. Внутри сушились самые разные продукты: мясо неизвестного зверя, связки какой-то засоленной зелени.

Как только Айшильд и Клэр вошли во двор, навстречу им из глубины дома вышла женщина в простой крестьянской одежде.

— Вы... — она замялась.

Возможно, разлука затянулась настолько, что даже родная мать не сразу узнала свою дочь.

— Мама.

Говорят, что девушка меняется до неузнаваемости, пока растёт, но стоило Клэр произнести это слово, как женщина напротив тут же всё поняла.

Глядя на очаровательную девушку в чёрно-белом платье горничной, мать Клэр выронила то, что держала в руках. Забыв о вещах на земле, она бросилась вперёд и, преодолев расстояние в пару шагов, крепко обняла свою дочь.

— Клэр, это ты?

С того самого дня, как они отправили Клэр в герцогский дом, женщина больше не видела своего ребёнка. Все эти долгие годы она узнавала о жизни дочери только из писем, которые та присылала. Разве могла она не разволноваться, увидев, что дочь наконец вернулась?

Женщина крепко прижимала к себе Клэр, не размыкая объятий больше минуты, прежде чем отстраниться и внимательно осмотреть её.

— Столько лет пролетело, ты так выросла. Мы с отцом хотели поехать в Столицу навестить тебя, но подумали: кто мы такие? Нас, пожалуй, даже на порог герцогского дома не пустят, а тебе мы только проблем добавим. Так и похоронили эту мысль, думали, что в этой жизни больше не увидимся!

Глаза женщины наполнились слезами, и она дрожащей рукой погладила Клэр по щеке.

Эта сцена невольно вызвала у Айшильда чувство зависти. По правде говоря, именно так и должна выглядеть настоящая материнская любовь, а в той самой Столице подобные искренние чувства были большой редкостью. Во многих аристократических и богатых семьях родственные

узы давно утратили свою чистоту, и дети в глазах родителей стали лишь инструментами для политических браков и укрепления влияния клана.

— Что вы такое говорите, — Айшильд вступил в разговор. Он был как никогда уверен в том, что решение приехать сюда вместе с Клэр было правильным. — В любое время, когда вы захотите увидеть Клэр, вы можете приехать в Столицу, я вас радушно приму. А если у вас нет времени, я могу сам привезти её сюда.

— А это кто... — женщина посмотрела на Айшильда, не зная, как к нему обращаться.

— Это Айши, четвёртый молодой господин из герцогского дома. Я в Столице отвечаю за уход за ним, — немного подумав, Клэр решила не скрывать от матери правду об Айшильде.

— Ой, господи... — узнав, что перед ней четвёртый молодой господин, женщина растерялась и не знала, куда деть руки.

— Зовите меня просто по имени, как и Клэр, — Айшильд всегда лучше ладил с простыми людьми, чем с аристократами, и ему хватило нескольких слов, чтобы сократить дистанцию с матерью Клэр.

— Разве так можно? Господин есть господин. Проходите в дом, садитесь.

Говоря это, мать Клэр повела их в дом. Она взяла чистое полотенце и тщательно протерла стулья, а убедившись, что на них нет ни пылинки, позволила Айшильду сесть.

Наступил полдень, и мать Клэр принялась хлопотать у плиты. Айшильд посмотрел на Клэр, которая смирно стояла рядом с ним, и улыбнулся:

— Клэр, ты не так часто бываешь дома, иди поговори с мамой, помоги ей по хозяйству. Не нужно всё время дежурить возле меня, я уже взрослый и вполне могу справиться сам.

Айшильд уже давно заметил, что Клэр не сводит глаз с пожилой женщины, суetyщейся на кухне.

— Хорошо, — Клэр закусила губу и, услышав разрешение, на цыпочках поспешила на кухню.

Несмотря на то что она была полностью погружена в домашние дела, мать Клэр не могла не присматривать за дочерью, которую не видела целых десять лет.